
Е. А. Вишленкова, К. А. Ильина

Статья поступила
в редакцию
в сентябре 2012 г.

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО КАК ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ. ОПЫТ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.¹

Аннотация

На основании архивных и законодательных источников реконструированы формы документов, интенсивность документооборота и характер делопроизводства в российских университетах первой половины XIX в. Авторы рассматривают делопроизводство в качестве административной практики, позволившей министерству привить профессорам чиновную идентичность, этос государственного служения и заставить их добровольно отказаться от административной автономии.

Ключевые слова: университеты, Российская империя, делопроизводство, Министерство народного просвещения, управление, документы.

Сегодня все мы стали свидетелями того, как глубоко университеты вовлечены в делопроизводство, как страдают профессора, доценты, ассистенты от его растущей интенсивности и объема. Спускаемые из министерств и прочих государственных структур формы заявок и отчетности воспринимаются профессорско-преподавательским составом вузов как стремление чиновников контролировать систему образования в мелочах, как помеха преподаванию и исследовательской работе, как абсурдное и самовоспроизводящееся бумаготворчество. Делопроизводство расценивается преподавателями как деятельность, навязанная им извне, к их основным обязанностям и творчеству имеющая косвенное отношение, или как проявление современной упаднической культуры. В данной статье описан опыт бюрократического управления университетами в Российской империи, который позволяет оценить нынешнюю ситуацию в исторической перспективе.

¹ В работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0062 в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ».

Представление о делопроизводстве как о практике управления и как о культурном институте пришло в историческую науку из смежных дисциплин и утвердилось в ней не сразу². Видимо, для того чтобы усмотреть в круговом движении протоколов, отчетов, меморий и справок механизмы культуры, исследователям потребовалось усвоить иное понимание истории вообще и университетов в частности. Этот процесс был запущен в России в 2000-е годы, когда после критики структурно-функционалистских описаний университета в социальных науках стал утверждаться подход, соединяющий перспективы понимающей социологии (М. Вебер), интерпретативной антропологии (К. Гирц) и теории повседневности (М. Де Серто). Он представил университет как пространство производства смыслов и правил, складывающихся в многообразных, изменчивых практиках и взаимодействиях его участников. Сторонники этого подхода сосредоточили внимание на изучении академической рутины, быта и повседневности [Университет для России..., 1997, 2001; Кулакова, 2006; Вишленкова, Малышева, Сальникова, 2005; Жуковская, Казакова, 2007; Костина, 2007; Жуковская, 2009; Вишленкова, Галиуллина, Ильина, 2012].

Исследование университетского делопроизводства в рамках обозначенного подхода весьма эвристично. Оно позволяет выяснить: как чиновники Министерства народного просвещения понимали и трактовали академические свободы; как именно они осуществляли руководство университетской жизнью; как профессора, служившие вдали от министерства, узнавали мнение власти; как ощущали ее присутствие в каждодневной жизни; как контактировали с ее представителями; как удовлетворяли их запросы. И самое главное, благодаря такому подходу можно увидеть, как в ходе этого взаимодействия рождался некий тип анонимной единообразности (то, что в официальных документах называлось «университетская система»), который навязывался всем членам сообщества. Реконструкция истории университетского делопроизводства, взятая в таком ракурсе, проявляет латентные процессы, например, как в каждом отдельном случае происходило освоение и обживание учрежденной правительством институции, как она обогащалась собственными сценариями жизни и как в ней происходило расшатывание и переопределение навязанных правил.

Эти установки определили критерии поиска документов в архивах. Увидеть в отдельных текстах фрагменты единой системы нам удалось благодаря участию в международном проекте, поддержанном Германским историческим институтом в Москве³. В соот-

² Социологические подходы описаны в [Smith, 1974]. Культурологическое видение документа и документности сформулировано в [Каспэ, 2010]. Исследования на материалах российской истории см.: [Орлова, 1999; Ларин, 2000; Виноградова, 2004].

³ Проект фонда Герды Хенкель «Ubi Universitas, ibi Europa: трансфер и адаптация университетской идеи в России второй половины XVIII — первой половины XIX в.» (AZ 02/SR/08).

ветствии с задачами проекта мы изучали фонды Государственного архива Харьковской области (Державный архив Харьковской области, ДАХО), Национального архива Республики Татарстан и Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета (Казань), Центрального исторического архива Москвы, Российского государственного архива древних актов и Отдела письменных источников Государственного исторического музея (Москва), Российского государственного исторического архива и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Фронтальное прочтение делопроизводственных документов по необходимости погрузило нас в университетскую повседневность [Вишленкова, Галиуллина, Ильина, 2012]. Мы убедились, что, конечно, жизнь профессоров подразумевала заседания в органах самоуправления, проведение учебных занятий и научных исследований. Но наряду с этим и в ущерб их прямым обязанностям университетские люди разного академического статуса отдавали невероятно много времени составлению и изучению инструкций, регламентов, постановлений, переписке с министерством и училищами, ответам на запросы чиновников, составлению отчетов.

Вступление профессо- ров в бю- рократиче- ские ком- муникации

Учрежденные в 1802–1804 гг. по воле верховной власти российские университеты оказались в сложной ситуации. Приехавшие в них из стран Западной Европы профессора либо плохо знали, либо вовсе не знали русский язык, не были знакомы с законами и правилами имперского делопроизводства. Их российские коллеги и ученики тоже, как правило, имели небогатый административный и канцелярский опыт. При этом «ученое сословие» получило от монарха привилегию самостоятельного ведения внутренних дел и право обращения в присутственные места (органы) империи, которое подразумевало владение искусством делового письма, а оно было доступно далеко не каждому грамотному человеку. К тому же канцелярские правила постоянно менялись, и за этим надо было следить.

Административные реформы Александра I, в том числе введение министерской системы, сопровождались унификацией и оптимизацией государственного документооборота. Они же сделали насущным упрощение бюрократического языка («канцелярского стиля», «делового слога»). В 1803 г., критикуя работу упраздненных коллегий, министр внутренних дел В. П. Кочубей сформулировал новые требования к делопроизводству: «I. Не должно терпеть в форме письмоводства ничего излишнего, сколько бы ни казалось сие излишество маловажным: ибо при великом стечении дел множество маловажных остановок составляют наконец весьма уважительное препятствие. II. При великом стечении дел нужно, чтоб каждая бумага несла с собою все признаки, по коим бы можно было по первому взгляду определить принадлежность ее не только

к своему отделению, но и к своему столу (подразделению. — Авт.) и к самому делу» [Доклад министра внутренних дел... С. 58–59].

Видимо, в условиях усложнения государственной жизни министерства нуждались в более жесткой системе адресации документов и упрощенном служебном языке. На их разработку были направлены усилия сподвижника Кочубея в те годы — М. М. Сперанского [Романенко, 1981]. В 1803 г. он разработал формуляры для губернаторских отчетов, образцы входящих и исходящих бумаг для своего ведомства, а в 1811 г. обеспечил унифицированными формами отчетности все прочие министерства империи, определил сроки прохождения разных видов документов по каждому ведомству. Сперанский потребовал от канцеляристов составления на объемные протоколы заседаний кратких аннотаций — меморий. Именно их собирали министерства как данные, обеспечивающие контроль над производством дел в империи.

В университеты правительственные инициативы по модернизации управления пришли позже, чем в другие государственные учреждения. Это запоздание было следствием дарованных им привилегий, в частности освобождения от необходимости вести делопроизводство на дорогой гербовой бумаге [О нераспространении положения о гербовой бумаге... С. 278; О производстве дел в университетах на простой бумаге... С. 102] и предоставленной возможности вести его настолько кратко, чтобы оно «ни в каком случае не препятствовало преподаванию учения» [Уставы Императорских Московского, Харьковского, Казанского университетов... Стб. 296]. В течение 1800-х годов университетские секретари и канцеляристы создавали документы на дешевой бумаге и делали это либо в произвольной форме, либо по образцам документов XVIII в.

Впрочем, такая автономия университетов сохранялась недолго. Логика рационализации и унификации не допускала наличия в империи независимых учреждений. Ориентируясь на опыт прочих министерств, каждый вступающий в должность министр народного просвещения объявлял состояние делопроизводства в его ведомстве неудовлетворительным и начинал свою деятельность с его усовершенствования. Так, назначенный министром в 1810 г. А. К. Разумовский уверял, что у его предшественника П. В. Завадовского не было порядка в управлении. Сам Алексей Кириллович озаменовал свое назначение рядом «циркулярных предложений», регулирующих форму, содержание и периодичность поступления отчетных документов из университетов [Циркулярное предложение о доставлении списков посторонних слушателей... Стб. 169–170; Циркулярное предложение о представлении сведений о наградах, увольнениях... Стб. 170–171; Циркулярное предложение о форме аттестатов... Стб. 172–173]. Аналогичным образом действовал его преемник князь А. Н. Голицын. Более того, министр пообещал, что «для лучшего единообразия и порядка каждое подчиненное место снабдится сообразно с тем и прилично для него

установленную формую донесений и представлений Начальству и сношений с разными лицами» [Учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения... С. 834]. Вскоре в университеты пришли формуляры требуемых от них документов и требование своевременного предоставления отчетов. Их содержание и стилистику отныне определяли не профессора, а столичные чиновники, изготовившие универсальную матрицу для всех университетов и для описания всех видов деятельности⁴.

Современные исследователи видят в этом коллективном творчестве один из признаков модернизации, которая сопровождалась разработкой письменных технологий управления и укреплением вертикали власти [Ремнев; Бикташева, 2011. С. 11–12]. При всем желании российские профессора не могли остановить нарастающий процесс бюрократического упорядочивания реальности. Удивительно другое: довольно скоро они не просто перестали сопротивляться ему — часть профессоров стали заинтересованными творцами канцелярских документов и своим творчеством интенсифицировали документооборот ученого ведомства. Массовость такой модели поведения свидетельствует о рождении нового типа университетской культуры.

Поначалу министерских чиновников в университетских отчетах интересовали лишь данные о служащих, бюджет учреждения и успехи образования в империи. Эти сведения поставляли в Петербург три «присутственных места» каждого из шести университетов: профессорский совет, правление и училищный комитет.

Совет, состоявший из ординарных и заслуженных профессоров под председательством ректора, был высшей инстанцией «по делам учебным и по делам судебным» (§ 47, 48 Устава 1804 г.). На его заседаниях избирались все члены ученого сословия, составлялись списки «способных людей» для преподавания в университете, гимназиях и уездных училищах округа, разбирались споры членов корпорации, обсуждались учебные программы, результаты экзаменов, инициативы начальства, результаты исследований. Мемориями с протоколов заседаний советники доводили свои решения до сведения попечителя округа и министра. Два раза в год секретарь совета отправлял в Петербург рапорт и ведомость о состоянии университета и училищах округа. Раз в год совет проверял финансовые счета.

Совет должен был обращаться в Сенат, к министру и к попечителю с донесениями или представлениями. Официальным лицам надо было посылать выписки из журналов заседаний, а лицам подчиненным следовало отправлять предписания, подписанные ректором или одним из членов совета и секретарем. В Петербург профессора присылали отчеты и справки, составленные в произвольной форме или по предложенному министерством образцу. В Александровскую эпоху допускалось, чтобы иностранцы

⁴ Национальный архив Республики Татарстан (далее НАРТ). Ф. 87. Оп. 1. Д. 1364. Л. 1.

заполняли документы на родном языке. Их записи переводились на русский язык специально нанятыми для этого канцеляристами.

Поскольку российские профессора и адъюнкты были государственными служащими, совет был обязан ежегодно предоставлять в канцелярию министра и в Герольдию по одному экземпляру формулярных списков всех своих членов. Один экземпляр списка камергеров и камер-юнкеров отправлялся в Его Императорского Величества канцелярию⁵. В случае каких-либо перемен совет был обязан немедленно известить о них «высшее начальство», т.е. попечителя и министерство.

В первые два десятилетия XIX в. формулярный список аккумулировал следующие сведения: возраст, происхождение, полученное образование, описание предыдущей службы, награды, порицания, отношение к службе. На простой бумаге преподаватели сами рассказывали о себе в третьем лице и в произвольной форме, просто вспоминая и описывая свой служебный опыт⁶. В этих документах отчетливо слышна интонация каждого университетского человека. В дальнейшем нарративное самописание постепенно сходило на нет и в 1830-е годы полностью исчезло из формулярных списков.

Изменение статуса студентов наглядно проявилось в динамике форм отчетности о них университетского совета. В начале века канцелярии университетских советов присылали попечителям именные списки студентов с указанием возраста, социального происхождения, полученного до поступления в университет образования — гимназического или домашнего, выбранной специальности и подробными сведениями об успехах юноши в науках. Тогда в российских университетах и прочих учебных заведениях педагоги использовали описательные характеристики. Для оценки поведения они применяли определения «превосходен», «отличен», «успешен», «успевает», «изряден», «примерен», «слаб», «посредственен», «очень посредственен», «не худ», «мало (занимается. — *Авт.*)», «внимателен», «старателен», «смышлен», «прилежен», «скромен», «тих»⁷. Высшей похвалой было определение студента в качестве «благонравного». Очевидно, что профессоров интересовали индивидуальные особенности и свойства личности учеников. Министерство же считало нужным зафиксировать типовые черты воспитанников. С конца 1810-х годов оно потребовало от профессоров изготовления сводных (за десять лет) ведомостей, в которых воспитанники утратили персональные признаки и были распределены по категориям [Загоскин, 1902. С. 528].

Финансовые и хозяйственные документы назывались в университетском делопроизводстве «дела экзекуторские». До 1818 г. университеты отсылали в Петербург годовые отчеты

⁵ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1961. Л. 1–1 об.

⁶ Пример тому: НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 105. Л. 6 об.

⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 61. Л. 8; Там же. Д. 227. Л. 5 об., 6 об., 7, 8 об., 27, 37, 41; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 273. Л. 11–14, 30–33.

о приходе и расходе сумм, и они сразу же пересылались «на ревизию к Государственному контролеру» [Циркулярное предложение о присылке в Департамент Народного Просвещения месячных ведомостей... Стб. 334]. С 1818 г. министерство стало требовать от университетских правлений финансовые отчеты ежемесячно.

Ежегодно отправляя в столицу отчеты и справки, профессора независимо от подданства и происхождения включались в сеть специфических бюрократических взаимосвязей («ведомственных сношений»), встраивались в чиновные иерархии. Правда, в первое десятилетие XIX в. иллюзия корпоративной исключительности еще сохранялась. Случаи непредоставления университетами ежегодных отчетов и прочих форм самоописания в 1800–1810-е годы еще имели место. В дальнейшем это стало нереальным.

В 1820-е годы министерство требовало от секретарей советов составлять официальные документы «с совершенством»⁸. При изучении меморий проверяющие все чаще обращали внимание на качество бумаги, несмотря на то что освобождение от использования гербовой бумаги было официально подтверждено в 1815 и 1822 гг., на почерк переписчика и стиль письма. Именно за это чаще всего ругали и редко хвалили советы столичные канцеляристы. «Не упоминаю, — высокомерно наставлял в 1815 г. ректора министерский чиновник, — уже о четкости и правильности письма и ясности смысла... чем учебные места преимущественно должны отличаться»⁹.

Коллеги- альные ре- шения

Споры, обиды, возмущения, письменные протесты членов университетских советов, зафиксированные в протоколах их заседаний, создавали у современных им чиновников и создают у исследователей впечатление, что университетская жизнь начала XIX в. была полна конфликтов и скандалов. При этом забывается, что возможность их открытого обсуждения формировала репутационное сознание у молодых университетских корпораций, позволяла заключать договоры о признаках «своей» культуры.

Что же касается предписаний, содержащихся в протоколах заседаний, то они, как правило, формулировались ректором или назначенным профессором до заседания и являлись личной инициативой. Заседание было более или менее инсценированным соглашением членов совета, а его решения — приказом большинства меньшинству или подчиненным. Между тем под пером протоколиста, а затем в созданной архивариусами системе «дел» заседание предстает первичным актом, а проекты решений — его следствиями. Таким образом личные и групповые интересы в университетском делопроизводстве искусственно закамуфлированы, облачены в коллективную риторику («совет постановил») и выдаются за общее решение всего университета.

⁸ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 599. Л. 72 об.

⁹ Там же.

То, что это не были общие решения, доказывают иные тексты, например письма профессоров к попечителю, в которых они жаловались на деспотию отдельных членов совета и всевластие секретарей совета и правления [Третьяков, 1892. С. 120]. В университетском делопроизводстве эпохи Александра I мнение несогласных можно обнаружить в специфических документах, которые именовались «особое мнение». Если решение вызывало возражения отдельных членов совета, их позиция и доводы прилагались к журналу в виде отдельного текста. В этом можно было бы усмотреть специфику университетской демократии, если бы аналогичная практика не существовала в XVIII в. в государственных коллегиях. На их опыт коллективного принятия решений равнялись министерские чиновники в своих взаимоотношениях с профессорами.

Подобие университетов коллегиям было провозглашено Уставом [Утвердительная грамота... Стб. 255]. Данная отсылка порождала у служащего человека в России ассоциативный ряд, никак не связанный с западными корпоративными привилегиями. Возникла амбивалентная ситуация: имевшие опыт корпоративной жизни в западных университетах преподаватели считали, что российские университеты получили от монарха самоуправление, а ответственные за реализацию правительственных решений чиновники интерпретировали эту статью Устава как бюрократическую коллегияльность.

Ученое и чиновное сословия по-разному интерпретировали и содержание корпоративных отношений. Предоставляя ученому сословию самоуправление, верховная власть не считала споры и конфликты показателем плохой работы университета. Предполагалось, что они — естественный продукт обсуждения и выработки общего решения. Статьи Устава 1804 г. предписывали рассмотрение всех противоречий на заседаниях совета. Профессора этим правом законно пользовались, вынося на гласное обсуждение статусные и этические вопросы [Вишленкова, 2008].

В то же время управляющие ими чиновники видели в спорах профессоров признак неправильного устройства учреждения. Они вторгались в корпоративные взаимоотношения, высказывая ректору и совету «неудовольствие», а иногда и «удаляя из университетов зачинщиков беспорядков». На канцелярском языке того времени такие решения и действия объяснялись необходимостью «утешить распря», другими словами, заставить молчать обиженное меньшинство и предоставить доминирующей группе «делать всего, чего не пожелает»¹⁰.

Вероятно, именно в этих различиях в восприятии норм Устава, а также сути корпоративных отношений и заключаются истоки личных драм, которые пережили российские профессора Александровской эпохи, а также их уверенности в том, что чиновники нарушают дарованный императором Устав. В частности,

¹⁰ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 62 об.

Принцип выборный и принцип приказной

казанские профессора в письмах 1805–1806 гг.¹¹ доказывали столичному попечителю право совета распоряжаться казной и распределять полномочия в университете, а директор университета И. Ф. Яковкин и поддерживавший его попечитель С. Я. Румовский квалифицировали их высказывания как «борьбу университетских партий». Показательно, что, несмотря на ссылки на правительственные постановления и явные свидетельства деспотического управления, директор получил разрешение уволить возмущившихся профессоров¹². Весть об этом довольно быстро долетела до университетов Вильно, Москвы, Дерпта, Петербурга и Харькова, и этот казус стал одним из первых уроков университетской «демократии», усвоенных российскими профессорами.

Новым и странным для российской административной культуры явлением были выборы «университетского начальства» самими подчиненными. Баллотировки на должность ректора и деканов осуществлялись, как правило, в мае. По их результатам составлялись баллотировочные ведомости, которые направлялись попечителю, а он, отправляя их министру, приписывал в документ «свое мнение» о результатах выборов и победившем кандидате. Первые годы после издания Устава 1804 г. назначением ведомостей было информировать министерство о состоявшемся выборе, но потом появилась норма, по которой эти документы должны были утверждаться в министерстве, и тогда у чиновников возникло искушение лоббировать своих протеже.

Все попечители желали иметь в подчинении профессоров «тихих нравом»¹³. Своим служебным долгом они считали избавление университетов от «беспокойных» служащих с «шумным характером»¹⁴. Для чиновников, встроенных в отношения подчинения и исполнения, это естественно. Поэтому, хотя это противоречило букве университетской демократии, они всегда стремились добиться послушания профессорских советов. Руководствуясь собственным мнением или полученной рекомендацией, попечители старались сделать ректором человека им лично подходящего, а не выбранного советом профессоров. Отсюда проволочки в утверждении баллотировочных ведомостей в Петербурге и признание выборов недействительными, как это было в случае с избранием в Казани ректором И. О. Брауна¹⁵.

В любом случае присланные в министерство баллотировочные ведомости чиновники интерпретировали исходя из интересов государственного, а не корпоративного управления, подчеркивая неспособность профессоров действовать в государственных

¹¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. Ректор. Д. 1; Там же. Д. 2; Там же. Д. 3; Там же. Д. 4; Там же. Д. 5. 25 лл.; Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 340; Там же. Д. 153.

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 40. Л. 1–14.

¹³ Там же. Ед. хр. 95. Л. 9.

¹⁴ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 340. Л. 38–40.

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Ед. хр. 95. Л. 9.

интересах. «Гг. Профессоры при выборе Ректора выпускают из виду пользу места, — писал московский попечитель П. А. Оболенский, — а увлекаются более личностью»¹⁶.

В преддверии войны и после нее в такой неспособности блюсти государственные интересы чиновники подозревали прежде всего иностранцев. Граф А. К. Разумовский считал неудобным избирать их деканами «как по незнанию языка, так и по недостаточному понятию о наших законах», отчего в университете «происходят частые недоразумения»¹⁷. Ему вторил харьковский попечитель С. О. Потоцкий: «Я сам едва ли в состоянии был бы отвечать за все беспорядки и упущения, какие от незнания их российско-го языка, законов и порядка дел неминуемо должны произойти»¹⁸. Очевидно, попечители предпочитали доверять управление университетом соотечественникам, которые привыкли подчиняться, да и деваться им было некуда.

Тем же объясняются манипуляции «высшего начальства» сроками полномочий университетских администраторов. По Уставу самым коротким был срок исполнения должности ректора — один год. Советы не выражали недовольствия по данному поводу. За год профессора выясняли административные способности избранного кандидата и уже не подавали за него голоса во время следующих баллотировок. А избранный на эту должность кандидат мог через год избавиться от «многолетней должности».

Чиновникам же частая сменяемость ректоров создавала массу неудобств. Во-первых, выборы были лишним поводом для размышлений о распределении власти. Они сопровождались борьбой профессоров за репутации, провоцировали образование различных групп. Во-вторых, за год ректор не успевал «войти в курс дела», вникнуть в интересы власти и сработаться с попечителем. И вообще, поскольку постоянно сменявшиеся избранники зависели от мнения коллег, а не от желаний «высшего начальства», они не торопились «с рвением» выполнять предписания министра и попечителей. Попечители были единодушны: срок исполнения ректорских обязанностей должен быть увеличен. Они поощряли переизбрание понравившегося им ректора на второй, третий и более сроки и даже добивались этого. А к 1811 г. члены Главного правления училищ — органа стратегических решений в составе министерства — приняли соответствующее соглашение и добились высочайшего согласия на внесение его в Устав. Обоснованием служила логика бюрократической опытности: «Должность сия требует неусыпного попечения, занятия множеством подробностей, строгого наблюдения и взыскания на учащих и учащихся и на всех чиновниках»

¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Ед. хр. 307. Л. 3.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 71. Л. 18.

¹⁸ Там же. Оп. 49. Ед. хр. 90. Л. 1 об.

[Об избрании ректора в Московском университете... Стб. 522–523; Об избрании ректоров в Харьковском и Казанском университетах... Стб. 634–635], т.е. долговременной беспорочной службы.

Просветительская служба

В первые два десятилетия XIX в. самый большой объем университетского делопроизводства проходил через училищный комитет. Он состоял из шести ординарных профессоров под председательством ректора (§ 165) и секретаря из адъюнктов или магистров (§ 177). Текущую документацию вели сам ректор и два ежемесячно избираемых для этого члена комитета. В конце срока службы каждый из них сдавал отчет о своей деятельности (§ 176).

Члены комитета письменно сообщали в министерство об избранных губернских директорах училищ, ходатайствовали за «достойных учителей», предостерегали специальными письмами «небрегущих» и «отрешали (от должности. — Авт.) безнадежных» преподавателей. Своими докладами они извещали совет и попечителя о чрезвычайных происшествиях в училищах и обосновывали необходимость увольнения «недостойных» учителей и прочих училищных служащих. Избранные в комитет профессора вели переписку с директорами гимназий, от которых получали «начертания» о пансионах и «училищах, посторонними особами учреждаемых», «хозяйственные отчеты» и «полугодичные ведомости о состоянии училищ, о достоинстве и трудах учителей и об успехах учащихся» (§ 166).

Ежегодно на основании присланных из училищ данных члены комитета делали обширный отчет. Его составление требовало от профессоров владения аналитическими процедурами обобщения, сравнения, обоснования. В итоговом варианте текст представлял собой описание обучения и просвещения в округе. После его обсуждения совет препровождал документ к попечителю для последующего представления министру (§ 168).

Параграф 52 Устава учебных заведений, подведомых университету, обязал учителей и директоров гимназий составлять «исторические записки». Правительственные реформаторы надеялись, что когда-нибудь на их основе будет создана история государства Российского и в ней языком фактов и цифр будет описана их просветительская деятельность. К 1 января один список «исторической записки» должен был поступать в училищный комитет. Его членам поручалось следить за своевременностью исполнения этого предписания и в случае необходимости требовать отчета от замешкавшейся гимназии или училища. Общий пакет «исторических записок» направлялся попечителю, а тот сдавал его в Главное правление училищ.

Стремительный процесс вовлечения якобы самоуправляющегося ученого сословия в удовлетворение государственных нужд довольно скоро изменил характер деятельности училищного

комитета. Министерство потребовало от его членов не только содействия в открытии новых школ и контроля над уже существующими, но и различных сведений о ресурсах империи.

Ни Устав Московского университета 1755 г., ни общеуниверситетский Устав 1804 г. не предусматривал такого рода деятельность профессором. Им вменялось в обязанность быть «рассадниками наук», что подразумевало популяризацию нормативного знания и воспитание образованных элит. Однако уже в 1805 г. министерство разослало по университетам вопросники, по которым учителя под руководством профессором должны были описывать фрагменты империи¹⁹.

В октябре 1812 г. министр А. К. Разумовский направил попечителям новые инструкции²⁰. Он хотел получить сводные топографические, метеорологические, этнографические и экономические сведения. Видимо, замысел министра состоял в том, чтобы превратить ведомственную отчетность в способ научной инвентаризации империи. От членов училищных комитетом требовалась огромная аналитическая работа, пришлось даже учредить специальные комитеты для интерпретации собранных данных²¹.

Как показало изучение «исторических записок» за длительный период времени, проведение в жизнь инициативы министерства основывалось на постоянном принуждении исполнителей. Ослабление ведомственного давления на провинциальные университеты неизменно приводило к срывам поставок эмпирических данных. Неудивительно: чтобы их добыть, и без того перегруженным служебными заботами профессором приходилось постоянно переписываться с учителями, направлять им напоминания и разъяснения. На основе полученных разнородных текстов членам комитета было трудно составить общее описание округа. Чаще всего министерство не было удовлетворено их качеством и сетовало на неспособность профессором руководить школами.

В 1823 г. столичные чиновники потребовали от училищных комитетом нового типа отчетности: из собранных данных нужно было составлять ведомости²². Это поставило профессором в тупик. Не имея возможности обобщить разнородные данные в таблицах, они просили министерских чиновников разослать в училища единые формы «исторических записок».

Только в 1833 г. училищные комитеты при университетах были упразднены, а с профессором снята ответственность за состояние училищ. Это было сделано по предложению М. М. Сперанского, который в отзыве на проект Общего устава императорских российских университетом написал: «Образовывать способных учителей, составлять, исправлять и усовершенствовать методы учения,

¹⁹ Пример тому: РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 13. Л. 5 об.

²⁰ Центральный исторический архив Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 459. Оп. 1. Д. 712. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 2 об.; Там же. Л. 5.

²² Там же. Т. 1. Д. 2256.

Административная реформа Магницкого

составлять учебные книги, снабжать ими училища — вот настоящее, единственное дело университета; все прочее до училищ касающееся должно быть для него постороннее»²³.

С конца XIX в. в университетской истории господствует представление о периоде 1819–1825 гг. как об «остановке», «реакции», «разрыве». Анализу причин этого явления посвящена обширная литература. Для нас же интересна другая его сторона. Проведенная в 1819 г. тотальная проверка Казанского университета сопровождалась анализом делопроизводства и повлекла за собой административный эксперимент. Назначенный в качестве попечителя исправлять выявленные недостатки бывший ревизор М. Л. Магницкий разработал комплекс инструкций, имеющих идеологический характер [Инструкция директору Казанского университета... Стб. 1199–1220; Ильина, 2009]. В инструкции ректору он сформулировал новую миссию российского университета: «ученое ведомство» должно производить научное знание, совершенствовать методы преподавания, издавать книги, воспитывать преемников и чиновников, управлять округом и организовать все вышеперечисленное на твердом основании Христианской религии» [Инструкция директору Казанского университета... Стб. 1227].

В ряде писем в Казань попечитель объяснял профессорам необходимость использовать формы делопроизводства, которые «должны быть просты, ясны и сколь можно сокращены»²⁴. На конкретных примерах он показывал негативные последствия игнорирования этих предписаний. Кроме того, Магницкий усовершенствовал систему дистанционного управления университетом и училищами округа посредством писем. Разделив административную власть между ученым ректором и чиновным директором, он получал с каждой почтой (раз в неделю) информацию от конкурирующих друг с другом администраторов. В этих письмах, в мемориях с протоколов заседаний и в «ведомостях о происшествиях» попечителя интересовали проявления «неприязни к коллегам», «пронырство», жалобы, клевета и оскорбления. Борьба с этими явлениями легитимировала его право оценивать качество различных видов академической деятельности профессором и их государственной службы в целом.

Профессора ощущали постоянное присутствие Магницкого рядом с собой: на совете и в правлении регулярно зачитывались его письма и предписания, из которых была очевидна его осведомленность в делах университета. Многие преподаватели в те годы жили под страхом отставки: они случались довольно часто и были основаны на характеристиках, которые попечитель получал в письмах от директора и ректора.

²³ РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 52. Л. 71–74 об.

²⁴ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1247. Л. 1–1 об.

Выйдя в отставку, опальный чиновник проанализировал опыт своего управления ученым сословием и изложил его в виде советов чиновникам. Бумаги, которые следовало пускать по «ученому ведомству», уверял Магницкий в изданном учебном пособии, должны быть написаны особым слогом. Министерским служащим приходится создавать его из смеси стилей «гражданского» и «ученого». Впрочем, надо чувствовать ситуацию и не увлекаться «тоном схоластическим, одной профессорской кафедре приличным», который будет «странен и неуместен» от лица «гражданского начальства» [Магницкий, 1835. С. 83–84]. В 1826 г. Магницкий был отправлен в ссылку, но созданная им система управления пережила своего изобретателя и была распространена министерством на остальные университеты империи.

Во второй половине 1820-х годов кроме ежемесячных меморий и многочисленных отчетов профессора отдавали на суд «высшего начальства» обзоры преподаваемых ими наук и описания научных «успехов» (достижений или изобретений) в них, копии с текстов речей для торжественных актов, планы и программы преподавания, сведения об используемых учебных пособиях. Плотная опека и отчетность делали свободу преподавания (в гумбольдтовском смысле) фикцией. При этом действия российских чиновников оправдывались их заботой о качестве подготовки служащих для империи.

Не только профессора, но и канцеляристы в университетах задыхались от потока официальных бумаг. Письменные технологии бюрократического управления породили такой объем входящих и исходящих документов, протоколов заседаний, писем и отчетов, что в 1826 г. от лица правления ректор Казанского университета К. Ф. Фукс ходатайствовал о выделении сверх имеющегося штата еще четырех канцеляристов: из-за «множества поступающих дел» и «для успешнейшего их движения и улучшения самой канцелярии»²⁵. Ректор уверял, что совет не в состоянии изготовить мемории к протоколам заседаний, скопившимся больше чем за год.

В 1820-е годы делопроизводство все активнее подменяло собой иные виды университетских коммуникаций. Если в 1800–1810-е годы многие решения в совете принимались посредством устного, пусть и конфликтного, обсуждения и о них изустно же извещали попечителя, то теперь обо всех своих решениях совет информировал попечителя исключительно письменно. Переписав почти дословно текст полученного послания, попечитель рапортовал о нем в министерство, а получив предписания от министра и прочих столичных чиновников, направлял в совет копию с них. В тех случаях, когда дело затрагивало полномочия правления или училищного комитета, советники, которые чаще всего были заседателями в этих органах управления, делали для них копии с соответствующего документа²⁶.

²⁵ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 2250. Л. 4–4 об.

²⁶ Пример тому — протоколы заседаний по избранию ректора Московского университета 1833 г.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 2. Ед. хр. 131. Л. 31.

Неэффективность управления

Во всех этих документах персональные голоса, индивидуальные мнения и эмоции звучат все слабее. И все же до середины 1830-х годов у российских профессоров была возможность передать в официальных документах свои мысли и чувства, писать о них языком культуры, т.е. творить дискурс самоописания. В отчеты тех лет попали фрагменты публичных речей профессоров, которые несли следы цивилизационной миссии.

Причина причудливого переплетения в делопроизводственных текстах того времени элементов разной дискурсивной природы видится в следующем. Поскольку до учреждения университетов правительство было единственным инициатором модернизации империи, чиновники по инерции воспринимали профессоров и адъюнктов в качестве средства ее реализации. Посредством предписаний, постановлений, распоряжений и прочих деловых бумаг министерство направляло их деятельность на реализацию актуальных запросов государства: искоренение суеверия, получение первичных сведений о регионах империи, распространение западных наук и знаний в местной культурной среде. Университетским советам отводилась роль исполнителей. Но поскольку чиновники побуждали профессоров заниматься интеллектуальной деятельностью, которая выходила за рамки обучения (организация исследовательской работы, управление учебными заведениями и организация обучения в них, освоение делопроизводства и делового слога), в профессорском сословии стало формироваться чувство избранности и ответственности за дело государственного просвещения.

Проводящие большую часть времени в заботах об округе, т.е. занятые созданием учебной системы империи, российские профессора, особенно молодые, имели мало возможностей заниматься научными исследованиями, учебным процессом и хозяйственными делами своего университета. Примириться с этим им помогало сознание, что они являются цивилизаторами империи.

Другое дело, что бюрократия не была готова поделиться с ними лаврами просветителей. Получая доклады училищных комитетов о созданных школах, чиновники вставляли эти сведения в собственные отчеты и присваивали себе заслугу организации учебной сети в империи. Одновременно с этим чиновники пугали верховную власть радикальными настроениями западных студентов и вольномыслием профессоров. Опасность возникновения таких же настроений в российских университетах управленцы подтверждали материалами ревизий²⁷. В них неизменно присутствовали разоблачения профессоров в небрежном ведении «денежных книг», указания на хозяйственное расстройство университетов, описания служебных конфликтов и борьбы университетских партий, обвинения в невнимании к воспитанию студентов... и подозрения в нелояльности.

²⁷ Ревизия Казанского университета 1819 г.: РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 260.

Конечно, в чиновной риторике все эти разоблачения служили свидетельством радения и заботы о государственных интересах. Другое дело, что мотивы и объекты беспокойства менялись в зависимости от ведомственной идеологии и политики правительства. Так, в начале царствования Николая I недовольство чиновников было связано уже не столько с финансовыми растратами или студенческим вольномыслием, сколько с трудностями контроля над университетами, порожденными их автономией. На бюрократическом языке того времени это формулировалось как отсутствие «системы». В 1830-е годы она считалась важным позитивным свойством любого учреждения и государственного устройства в целом, ассоциировалась с рациональностью и эффективностью.

В исследовательской литературе, посвященной истории русского образования, и в частности С. С. Уварову, понятия «учебная система», «университетская система», «русская система образования» и «уваровская система народного просвещения» используются как синонимы, при этом имеется в виду созданное единство и взаимодействие ее элементов [Ферлюдин, 1894; Пугачев, 1964; Riasanovsky, 1959; Whittaker, 1978; Хотеевков, Чернета, 1996; Flynn, 1988; Whittaker, 1984; Петров, 1998–2001; 2002–2003; Попов, 1999; Андреев, 2009; Жуковская, 2009]. Однако когда министр писал о «системе образования», он имел в виду политику порученного ему министерства. Создать или разработать ее значило установить эффективный контроль над деятельностью локальных университетов и привязанных к ним учебных округов и школ.

В этом значении уваровская система, т.е. политика образования, позиционировалась как антипод западной политики и политики Александра I. В западном опыте Уварова не устраивали результаты. Он готов был согласиться с А. С. Стурдзой в том, что из-за «неправильной системы» в Германии существуют университеты, представляющие собой «объединения без смысла и цели, составляющие государство в государстве, они оживлены надменным корпоративным духом...» [Стурдза, 1999. С. 152]. В 1843 г. министр уверял монарха: «Нам необходимы Русская система и Европейское образование» [Уваров, 2009б. С. 293], — обосновывая свое намерение использовать западную университетскую институцию (а также транслируемые ею знания), приспособив ее под потребности русского государства.

До правления Николая I, уверял монарха верный ему министр, продуманной системы (т.е. политики) образования в России не было. Были отдельные мероприятия власти и была сумма учебных заведений, каждое из которых жило своей собственной жизнью. Создать «русскую систему», в том числе «университетскую систему», значило «ознакомиться в подробности с теми материалами, которые еще можно было употребить в дело, и с теми, которые надлежало устранить как помеху бесполезную» [Уваров, 2009а. С. 349].

Университетская система

Добиваясь рационального и унифицированного управления, в 1832–1833 гг. министерство разослало по учебным округам единые формы отчетности. Среди них были и послужные списки. Теперь это были таблицы, общие для всех присутственных мест империи. В их основу легла форма досье на государственных служащих, введенная сенатским указом 1798 г. Став важным государственным документом, формулярный список изготавливался канцеляристами, заверялся подписью ректора и самого составителя, заполнялся клишированными канцелярскими фразами, потом подшивался в единый журнал, к которому прилагался именной указатель [Циркулярное предложение о своевременном представлении формулярных списков...]. Теперь если профессор и сообщал о себе сведения, то только в виде справок из других институций. Его лояльность определялась не устным заверением или действиями (присягой, выполнением обязанностей), а письменным свидетельством третьих лиц, например свидетельством священника о наличии у иностранца детей, рожденных в России.

В «личное дело» вносились не произвольные данные, а только те, что требовались министерству. А оно подгоняло служащих под параметры типового чиновника. Поэтому каждый профессор соотносил себя с заданной формуляром моделью. Все, что с ней не совпадало, попадало в категорию маргинальных свойств, например «принадлежность ко всякого рода обществам, в том числе тайным». Другое дело, что с годами спектр интересующих министерство сведений расширялся, и формуляр переводил в публичное пространство то, что ранее было частью приватной жизни профессора: вероисповедание, семейный статус, наличие детей, имущества [Щетинина, 1977].

В правление Николая I правительство последовательно извлеклось из управления от всякого проявления индивидуальности. Рациональность виделась в деперсонализации и объективации всех сфер общественной и государственной жизни. Современники немало пострадали от «излишнего статистического направления»²⁸.

Заполнение присланного формуляра отчета превратилось в работу по инвентаризации университета и обсчету его имущества²⁹. Нарративного описания выполненной ученым сословием работы министерским чиновникам было уже недостаточно. К такому тексту профессора должны были приложить таблицы, в графы и колонки которых вписать цифровые данные из других документов. Это позволяло перепроверить сведения и свести данные по разным университетам воедино. Сводные таблицы показали различия университетов по числу учащихся, преподавателей, кафедр, кабинетов, книг и прочему, что проблематизировало унификацию университетов и позволяло осуществлять ручное управление каждой корпорацией в отдельности.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1741. Л. 52–52 об.

²⁹ Там же. Ф. 418. Оп. 2. Д. 234. Л. 1–157.

После введения Устава 1835 г. министр получил финансовые и административные рычаги для кадровой селекции в университетах [Костина. В печати] и сосредоточения сильных, в том числе вернувшихся после зарубежных стажировок, ученых в столицах. Результаты их исследовательской работы он представлял в качестве «русской науки». Центричность университетской науки тех лет легко прослеживается по авторским спискам учрежденного в 1834 г. «Журнала Министерства народного просвещения». Наделение его редакции правом оценивать научное качество рукописей имело результатом ранжирование университетского пространства империи: репутации перестали быть продуктом внутренних соглашений отдельных профессорских сообществ. Довольно быстро провинциальные университеты оказались на периферии журнальных оглавлений [Галиуллина, Ильина, 2012].

Выполняя циркулярные предписания, профессорские советы ежемесячно присылали в министерство мемории с протоколов своих заседаний. Три раза в год они отсылали в Петербург ведомости о пожертвованиях, сведения о результатах экзаменов для чиновников, а также списки отчисленных студентов. Каждые полгода они подавали списки учащихся³⁰, личных и потомственных дворян, а еще списки молодых дворян, камергеров и камер-юнкеров — кавалеров орденов и знаков беспорочной службы. Два раза в год совет был обязан предоставить в III отделение С. Е. И. В. Канцелярии списки всех служащих университета. Кроме того, ежемесячно профессора составляли ведомости из указов Сената. Три раза в год они переправляли в министерство сведения о подготовленных на медицинских факультетах врачах³¹, о расходах бюджета и о пропущенных преподавателями занятиях.

Требую точного соблюдения форм отчетности и сроков их предоставления, министр уверял подчиненных, что все эти усилия имеют целью «возвысить университетское учение до рациональной формы» [Десятилетие Министерства народного просвещения... С. 355]. Поэтому его ведомство постоянно сокращало сроки выполнения заданий, увеличивало объем отчетности по каждому из них и тем самым ускоряло темп жизни университетских, да и министерских служащих тоже. Так, разослав летом 1833 г. образцы новых документов, уже через полгода Уваров потребовал от профессоров предоставления по ним отчетов [Циркулярное предложение о наблюдении правил и форм...].

Придуманная Уваровым матрица описания упаковала университет в образ правильно устроенного государственного учреждения (чиновники так и писали: «ведомство Университета»). Она оставляла за пределами его функций внеаудиторное общение профессоров со студентами, с коллегами по профессии, их корпоративные конфликты и научные дебаты, а также любую не санкционированную правительством просветительскую деятельность. Все это было либо запрещено, либо отнесено к сфере частной жизни.

³⁰ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1741. Л. 4, 7, 9, 18–18 об.

³¹ Там же. Ед. хр. 1741. Л. 27 об.

Постепенно такая система перекодировала идентичность профессоров. Поскольку целью всего, что делалось в университете, становился отчет, не подлежащее отражению в отчете представлялось излишним. Преподавателям было ясно, что показателями эффективности являются не качество лекций, не интерес воспитанников к их предмету, не сделанные научные открытия, а цифры приема студентов, штаты чиновников, объемы клиник, бюджет, общие часы занятий и количество публикаций. Качественные характеристики редко обсуждались на университетских советах. Само такое обсуждение и неизбежные при этом споры и обвинения рождали у чиновников ощущение хаоса, непорядка, шума, нарушающего «общее мнение» и «единый дух».

Потенциал эффективности этой системы был исчерпан к концу 1840-х годов. О ее уязвимости имеющие право говорить современники предупреждали и раньше. Например, глава тайной полиции граф А.Х. Бенкендорф отрицал достоверность отчетов Министерства народного просвещения еще в 1830-е годы [Россия под надзором... С. 210]. «Эти результаты противоречат действительности», — настаивал он и в 1843 г. [Там же. С. 333–334]. О тяготах уваровской системы управления императору писал московский попечитель С.Г. Строганов³². Нарушение субординации и открытое неуважение не сошло ему с рук: в 1847 г. он лишился должности. Но и позиции Уварова к тому времени стали гораздо слабее, и вскоре он был отправлен в отставку.

Почти сразу после падения всемогущего министра подчиненные ему чиновники приступили к демонтажу его системы³³. «Важно, — провозгласил ставший министром П.А. Ширинский-Шахматов, — чтобы преподаватели занимались преподаванием, а не увлекались канцелярскими бумагами»³⁴. Необходимость перемен было легко обосновать, поскольку уход Уварова совпал с изменением политического курса после европейских революций 1848 г. и с критическим пересмотром всей системы государственного управления. Весной 1851 г. в Петербурге был создан Комитет для изыскания мер к сокращению делопроизводства по гражданскому ведомству. Его задачей были оптимизация и реструктурирование государственного управления. Члены комитета собирали мнения заинтересованных сторон о необходимых и лишних документах³⁵.

«До сего времени, — жаловался казанский ректор О.М. Ковалевский, — заседания университетского совета и факультетов ограничивались почти исключительно административными делами, формализмом, часто забывая существенное, т.е. ученое направление, жизнь чисто

³² РГАДА. Ф. 1278 Строгановы. Оп. 1. Д. 173. Л. 115.

³³ Об отмене «системы» Уварова см. [Виттекер, 1999. С. 258].

³⁴ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1741. Л. 11–11 об.

³⁵ Там же. Л. 1.

ученую, плодотворную для славы и пользы ученого сословия»³⁶. Об этом же свидетельствовал отчет Харьковского университета за 1857 г.³⁷ Попечитель В. П. Молоствов заявил, что из-за утечки кадров в столичные университеты и обилия отчетов в Казани плохое преподавание и почти нет исследований³⁸. «Главнейшею причиною, по которой делопроизводство и письменный труд развились у нас в таких огромных размерах, — размышлял московский попечитель В. И. Назимов, — я почитаю неравномерное распределение власти в разных инстанциях одного и того же ведомства. Излишнее сосредоточение всякого рода дел в высших учреждениях и недостаток самостоятельности в действиях средних и низших мест и лиц, поставленных даже в самых маловажных случаях в полную зависимость от высших учреждений, по необходимости порождают ту огромную переписку, сокращение которой было бы так полезно»³⁹. Ректоры и директора училищ просили министра убрать все промежуточные формы отчетности или свести многочисленные формы отчетности в одну⁴⁰.

В январе 1852 г. Государственный совет принял постановление о сокращении делопроизводства и переписки по гражданскому управлению⁴¹. А в 1857 г. сотрудник МВД Н. В. Варадинов выпустил руководство по оптимизации делопроизводства в Российской империи. Идеолог бюрократической рациональности уверял, что «письмоводство», или делопроизводство, — это «наука, излагающая правила составления деловых бумаг, актов и самих дел» и «общий порядок производства дел в присутственных местах по данным законами формам и по установившимся образцам деловых бумаг» [Варадинов, 1857. Ч. 1. С. 1].

Итак, изучение делопроизводственных документов убеждает в том, что в силу исторических обстоятельств университетская культура в России сформировалась на основе презумпции «университет — агент государственной политики». Такая установка определила тип общения профессорских советов с присутственными местами (административными институциями) империи.

Конечно, огосударствление университета не является исключительной особенностью русской истории. В XIX в. во многих европейских странах производство и трансляция знания были поставлены под правительственный контроль. Специфика российской ситуации заключалась в том, что Министерство народного

³⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 531 А.С. Норов. Ед. хр. 390. Письмо О.М. Ковалевского А.С. Норову, 30 июня 1855 г. Л. 2 об. — 3.

³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 787. Л. 119 об. — 121.

³⁸ Там же. Оп. 47. Д. 74. Л. 1–2.

³⁹ ЦИАМ. Ф.459. Оп. 2. Д. 1741. Л. 51–51 об.

⁴⁰ Там же. Л. 38.

⁴¹ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1866. Стб. 50–52, 54–58, 60, 81–82, 493–499.

просвещения добивалось от подведомственных университетов единого с прочими институтами документооборота, соблюдения общих правил и владения канцелярским языком. Данная административная практика постепенно изменила смысл университетского самоуправления. Единые формы отчетности и протоколов, единство языка репрезентаций, синхронизированная последовательность оборота деловых бумаг, обезличенные тексты не оставили профессорам возможности для выражения собственного мнения и проявления инициативы в коммуникациях с государством.

Без радикальных мер и прямого принуждения министерство ввело в университетах режим, в котором вовлеченные в управление профессора обрели чиновную идентичность. Логика делопроизводства не делала из российского университета первой половины XIX в. партнера и союзника государства в деле просвещения империи, а загоняла его в жесткие рамки административной структуры. А это было уже явное снижение университетского статуса по сравнению с западными странами.

Литература

1. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2009.
2. Бикташева А. Н. Казанское губернаторство первой половины XIX в.: антропология власти: дис. ... докт. ист. наук. Казань, 2011.
3. Булгакова Л. А. Отчеты попечителей по учебным округам и университетам как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 10. Л.: Наука, 1978.
4. Варадинов Н. В. Делопроизводство, или Теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегиальному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел, с приложением к оным образцов и форм: в 2 ч. СПб., 1857.
5. Виноградова Т. В. Организация делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи в первой половине XIX в.: по материалам Олонецкой губернии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
6. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999.
7. Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х., Ильина К. А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
8. Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: Казанский госуниверситет, 2005.
9. Вишленкова Е. А. Память о конфликтах: особенности архива Казанского императорского университета // Эхо веков. 2008. № 3. С. 54–71.
10. Галиуллина Р. Х., Ильина К. А. «Ученые записки» ученого сословия (Россия, первая половина XIX в.). НИУ ВШЭ. Гуманитарные исследования. Препр. WP6/2012/04. Сер. WP6. М., 2012.

11. Доклад министра внутренних дел о новом образовании Экспедиции государственного хозяйства. СПб., 1803.
12. Жуковская Т. Н. «Императорский университет»: система высшего вмешательства в жизнь университетов в первой половине XIX в. // Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX в. Исследования, историография, источниковедение. СПб., 2009. С. 74–89.
13. Жуковская Т. Н., Казакова К. С. Русский студент дореформенной эпохи: нормы и практики корпорации // Отечественная история. 2007. № 6. С. 63–76.
14. Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904: в 4 т. Т. 1. Введение и часть первая. 1804–1814. Казань: Казанский императорский университет, 1902.
15. Ильина К. А. Инструкция попечителя и управление Казанским учебным округом (первая четверть XIX в.) // Образование и просвещение в губернской Казани: сб. ст. Вып. 2. Казань, 2009. С. 111–116.
16. Инструкция директору Казанского университета, 17 января 1820 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1873. Т. 1. № 374.
17. Каспэ И. М. Когда говорят вещи: документ и документность в русской литературе 2000-х. ГУ–ВШЭ. Гуманитарные исследования. Препр. WP6/2010/02. Сер. WP6. М., 2010.
18. Костина Т. В. Карьера в университете, или Сколько лет должно быть профессору? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. С. 262–269.
19. Костина Т. В. Профессора «старые» и «новые»: «антиколлегияльная» реформа С. С. Уварова // Ученое сословие России. М.: Изд. дом ВШЭ. В печати.
20. Кулакова И. П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII в. М.: Новый хронограф, 2006.
21. Ларин М. В. Управление документацией в организациях: проблемы истории и методологии: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2000 <http://dissertation1.narod.ru/avtoreferats2/av191.htm>
22. Магницкий М. Л. Краткое руководство деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М., 1835.
23. Об избрании ректора в Московском университете на три года, 16 сентября 1809 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. № 115. Стб. 522–523.
24. Об избрании ректоров в Харьковском и Казанском университетах чрез каждые три года, 26 мая 1811 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. № 161. Стб. 634–635.
25. О нераспространении положения о гербовой бумаге на университеты, 9 сентября 1815 г. / Полное собрание законов Российской империи. Т. 33. СПб., 1830. № 25940. С. 278.

26. О производстве дел в университетах на простой бумаге, 6 марта 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 38. СПб., 1830. № 28960. С. 102.
27. Орлова Г.А. Российская бюрократическая ментальность (1801–1917 гг.): дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 1999.
28. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Формирование системы университетского образования. М., 1998–2001. Кн. 1–4: Зарождение системы университетского образования в России.
29. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002–2003. Т. 1–4.
30. Попов О.В. С.С. Уваров и подготовка общего устава российских университетов 1835 г. // Российские университеты в XVIII–XX вв.: сб. науч. тр. Вып. 4. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. С. 18–28.
31. Пугачев В.В. К вопросу о политических взглядах С.С. Уварова в 1810-е годы // Ученые записки Горьковского госуниверситета. 1964. Вып. 72. Т. 1. С. 125–132.
32. Ремнев А.В. «Искусство канцелярии» и «искусство редактирования» в имперской России XIX — начала XX в. (неопubl. рукопись).
33. Реформы Петра I: сб. документов. М., 1937.
34. Романенко А.П. Проблемы нормализации русского канцелярского стиля первой половины XIX в.: дис. канд. филол. наук. М., 1981.
35. Россия под надзором. Отчеты III Отделения. 1827–1869. М., 2006.
36. Стурдза А.С. Записка о нынешнем положении Германии. Сочинение г. С....., статского советника при его Величестве Императоре Всероссийском. Ноябрь 1818 // Россия — Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX в. 3 [11]. М., 1999.
37. Третьяков М.П. Императорский Московский университет в 1799–1830 гг. // Русская старина. 1892. Т. 75. № 7.
38. Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833–1843 // Уваров С.С. Избранные труды. М., 2009а.
39. Уваров С.С. О народонаселении в России // Уваров С.С. Избранные труды. М., 2009б.
40. Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997.
41. Университет для России. Т. 2: Московский университет в Александровскую эпоху. М., 2001.
42. Уставы Императорских Московского, Харьковского, Казанского университетов, 5 ноября 1804 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. Изд. 1. СПб., 1864. Стб. 296.
43. Утвердительныя Грамоты Императорских Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго Университетов, 5 ноября 1804 г. // Сб., постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. Стб. 255.

44. Учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения, 24 октября 1817 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. 34. СПб., 1830. № 27106. С. 834.
45. Ферлюдин П.И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академия наук и университеты. Саратов, 1894.
46. Хотеевков В., Чернета В. Граф С.С. Уваров — министр и просветитель // Высшее образование в России. 1996. № 1. С. 146–158; № 2. С. 147–160.
47. Циркулярное предложение о доставлении списков посторонних слушателей университетских курсов. 26 апреля 1810 г. № 49 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1834. СПб., 1866. Стб. 169–170.
48. Циркулярное предложение о наблюдении правил и форм канцелярского порядка, 8 февраля 1834 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866. Стб. 899–901.
49. Циркулярное предложение о представлении сведений о наградах, увольнениях и смерти училищных чиновников, 5 мая 1810 г. № 50 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1834. СПб., 1866. Стб. 170–171.
50. Циркулярное предложение о присылке в Департамент Народного Просвещения месячных ведомостей о суммах, 7 августа 1818 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1834. СПб., 1866. Стб. 334.
51. Циркулярное предложение о своевременном представлении формулярных списков и сведений о переменах чиновников, 21 декабря 1834 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3. 1850–1864. СПб., 1866. № 510. Стб. 985–987.
52. Циркулярное предложение о форме аттестатов, выдаваемых чиновникам, подвергающимся испытанию для производства в высшие чины, 27 мая 1810 г. № 53 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1834. СПб., 1866. Стб. 172–173.
53. Щетинина Г.И. Послужные списки как исторический источник. О составе профессоров в пореформенной России // История СССР. 1977. № 1. С. 84–96.
54. Flynn J.T. (1988) The university reform of Tsar Alexander I. 1802–1825. Washington.
55. Riasanovsky N.V. (1959) Nicholas and official nationality in Russia, 1825–1855. Berkley.
56. Smith D.E. (1974) The social construction of documentary reality // Sociological Inquiry. Vol. 44 (4). P. 257–268.
57. Whittaker C.H. (1978) The ideology of Sergei Uvarov: An interpretive essay // Russian Review. Vol. 37. No 2. P. 158–176.
58. Whittaker C.H. (1984) The origin of modern Russian education: An intellectual biography of count Sergei Uvarov, 1786–1855. Dekalb.